

ГЛАВА 12. СЛАЖЕННОСТЬ

— Молодой глава, впереди развилка. Может, сделаем привал? — Ши Юй сорвал защитную маску и, бросив на меня короткий взгляд, обратился к Люй Цэчжи.

— Можно, — кивнул тот и придержал коня.

Завидев вдали покосившийся чайный навес, я пришпорил Пятнистую лошадь с рвением путника, который десятилетиями страдал от жажды и вдруг узрел оазис. Наконец-то отдых! Моё изнеженное тело, совершенно не привыкшее к тяготам долгого пути, окончательно сдало: едва копыта замерли, я едва не рухнул на землю бесформенной кучей.

О боги, какой же дурак внушил мне, что скакать верхом — это романтично и весело? Посмотрите, во что я превратился! Каждая косточка ныла так, будто её сначала выломали, а потом вставили обратно в случайном порядке. В теле не осталось ни единого живого места: ломота пропитала мышцы, а тупая боль пульсировала при каждом движении. Определённо, жизнь в седле — не моё призвание.

Прошло всего полдня, а я уже почти труп. Как мне пережить целый месяц такой бешеной гонки? Я буквально стёк со спины Пятнистой лошади, чувствуя во всём теле пугающую лёгкость и полное отсутствие опоры. Моё горячее желание приключений — ладно, будем честны, моя волчья натура и неуёмное любопытство — мгновенно остыли под ледяными порывами ветра. Улыбка застыла на губах, так и не успев расцвести. Бедный я, несчастный, как же мне быть дальше?

— Идём, — Люй Цэчжи подхватил моё обмякшее тело, совершенно игнорируя моё упадническое настроение, и потащил к навесу. Братья Ши, пристроив лошадей, последовали за нами.

Я был готов поклясться, что у этого заведения нет и не может быть никакой лицензии. Глядя на этот закопчённый, продуваемый всеми ветрами шалаш, не нужно было гадать: хозяин просто приметил бойкое место на перекрёстке трёх дорог и на скорую руку соорудил пристройку, чтобы обдирать проезжих.

Я обвёл мутным взглядом окрестности и мысленно восхитился деловой хватке владельца. Место и впрямь было золотым. Несмотря на лютый холод, тесная чайная была забита самым пёстрым людом. Удивительно! Вместо того чтобы сидеть дома в тепле и видеть десятый сон, все эти люди добровольно мерзли в пути. Что ж, приятно осознавать, что в этом мире полно безумцев, помимо нашей четвёрки. От этой мысли на душе стало теплее — я нашёл своих единомышленников.

Хозяин, у которого от возбуждения и наплыва клиентов тряслись руки, подал нам огромный чайник и несколько тарелок с исходящими паром баоцзы. Нервно оглядываясь, он тут же ретировался, не проронив ни слова приветствия. Ишь, какой важный! Ну и что, что торговля идёт в гору, можно же хоть каплю вежливости проявить? Меня задел такой приём, но, похоже,

остальных это не волновало. Больше десятка путников, прибывших раньше нас, сидели в гробовой тишине, лишь изредка поднося куски ко рту. Невероятная дисциплина.

Желудок сводило от голода, и я решил, что сейчас не время разыгрывать из себя благородного господина. Да будь предо мной сейчас хоть чёрствые лепёшки трёхдневной давности, я бы сожрал их без остатка, а тут — ароматные, сочные танбао! Не обращая внимания на Люй Цэчжи, который явно хотел что-то сказать, я схватил самый большой пирожок и с воодушевлением откусил добрую половину.

— У-у-а-а-а! — взвыл я.

Я хотел лишь поскорее унять голод, но стоило мне откусить, как раскалённый бульон брызнул прямо в горло. Рот мгновенно онемел, а следом нахлынула обжигающая боль.

— Гор... горячо!

Кое-как выплюнув остатки еды, я на собственном горьком опыте осознал, почему эти «суповые баоцзы» считаются опасными. Схватив пиалу с чаем, я принялся судорожно полоскать рот, пытаясь хоть немного охладить обожжённый язык. Проклятье, как же больно!

— Местные танбао с крабовой икрой славятся своим жаром. Молодой глава только хотел тебя предупредить, да не успел. Так тебе и надо, дурак, — презрительно фыркнул Ши И.

Он демонстративно отодвинул тарелку подальше, словно проводя между нами черту и всем видом показывая, что не имеет никакого отношения к этому позорищу — то есть ко мне, «неземному красавцу», который умудрился опозориться, даже поедая баоцзы.

Вокруг послышались смешки, но они тут же смолкли, будто кто-то невидимый одновременно сжал всем глотки. Движения посетителей были пугающе синхронными. Я даже засомневался: неужели они годами тренировались так вовремя замолкать и вместе глотать слюну? Удивительный эффект.

Ши Юй покосился на меня, опустил глаза и принялся усердно пить чай. Ну конечно! Смейся, чего уж там, не стесняйся! Делают вид, будто им всё равно, а сами едва сдерживаются. Я посмотрел на него испепеляющим взглядом.

— Когда ты уже научишься вести себя степенно? — Люй Цэчжи едва заметно вздохнул и протянул мне баночку с мазью. — Намажь.

Я сокрушённо принял лекарство, печально глядя на покинутые пирожки. Пришлось послушно смазать ожог, глотая обиду и вздыхая о своей нелёгкой доле. Цэчжи больше ничего не сказал, он просто взял палочками баоцзы, изящно проткнул его край, выпуская лишний пар, и подождал, пока тот остынет. Как же чертовски благородно он это делал! Каждое движение —

воплощение грации. Я даже залюбовался, напрочь забыв о своей боли. Оказывается, у поедания баоцзы тоже есть свой ритуал!

— Ого! Что это за снадобье? Так быстро помогло, — изумился я.

Не успел я толком предаться унынию, как во рту разлилась приятная прохлада. Похоже, мой план по набиванию желудка всё же удастся осуществить! Я просиял от счастья.

Люй Цэчжи не удостоил мой вопрос ответом. Он просто вложил в мою руку уже остывший пирожок и легонько дёрнул за кончик волос:

— Лишняя суета.

«Да ну тебя! Мне так нравится!» — подумал я, тряхнув головой и высвобождая шевелюру из его рук. Почувствовав, что боль отступила, я принялся жевать баоцзы медленно и осторожно. Второго промаха я себе не позволю.

Время в чайной словно застыло. Казалось, во всём заведении только за нашим столом продолжалась трапеза. Впрочем, я сильно сомневался, что эта идиллия продлится долго. Моё обострённое чутьё уже уловило едва различимые в воздухе флюиды жажды крови.

Эх...

Я глубоко вздохнул и внезапно обернулся к рослому мужчине за моей спиной, который уже занёс над моей головой нож с головой призрака.

— погоди!

— А? — Тот застыл с разинутым ртом, явно не ожидая такого поворота. Его клинок так и завис в воздухе.

— Дружище, ты хоть понимаешь, что драка в такой момент вызовет у меня несварение? — Я вздохнул с максимально удручённым видом и доверительно предложил: — Давай так: ты подождёшь, пока мы доедим, а уже потом будем мериться силами? А то, боюсь, у нас не хватит задора, и мы испортим вам всё удовольствие.

Я поднял баоцзы и одарил их своей самой обворожительной улыбкой. К сожалению, у этих мужланов нервы были крепче канатов, а чувства прекрасного — ни на грош. Они упорно игнорировали моё дружелюбие, желая сдобрить сочные пирожки нашей кровью.

— Мать твою! Ты издеваешься над нами?! — взревел верзила.

Его слова стали сигналом. Скрытая доселе аура убийства вырвалась наружу. В мгновение ока блеск клинков заполнил тусклое помещение чайной.

Я с горечью осознал, что эта сцена до боли напоминает бандитские разборки, где нас собираются пустить на фарш. Жаль, рожи у них подкачали, никакой эстетики. Но раз уж маски сброшены, мирного исхода ждать не приходилось. Я вздохнул ещё раз, пытаюсь выдохнуть всю неудачу на годы вперёд. Права была мудрость из романов: где есть люди — там есть Цзянху, а где Цзянху — там льётся кровь. Чёртовски верное утверждение.

— Собрание Призрачного Клинка! — Ши Юй, как всегда, взял на себя роль комментатора.

Люй Цэчжи же не проронил ни слова. Он не вскочил в боевую стойку, даже бровью не повёл, но его аура внезапно стала холодной и острой, возвышаясь над этой толпой. Какое пугающее спокойствие! Настоящий мастер, чёрт возьми.

— Люй Цэчжи, я пришёл сказать лишь одно: по-хорошему отдай Кровавый женьшень, и тогда мы, быть может, пощадим... — здоровяк затянул было свою пафосную речь, но я бесцеремонно его перебил:

— Секундочку!

Насладившись тем, как он поперхнулся словами, я повернулся к нашему главе:

— Эй, Люй Цэчжи, это Собрание Призрачного Клинка — они крутые? Это ведь очередные ищейки Союза Праведного Духа?

Цэчжи даже «да» говорить не стал. Он лишь посмотрел на меня с явным осуждением моей беспечности.

— Люй Цэчжи, повторяю последний раз! Отдайте женьшень, и останетесь живы. Иначе мне придётся уничтожить вас во имя Нового Альянса! — Верзила проявил неожиданное терпение, дочитывая свою роль до конца. На его заросшей морде читалась неприкрытая алчность.

Такие люди, даже если им посчастливится заполучить сокровище, первыми же перегрызут друг другу глотки. Верить их обещаниям — всё равно что верить в честность голодной свиньи.

Скорее всего, Новый Альянс намеренно пустил слух о женьшене. Более того, они наверняка специально отравили папу Люя таким ядом, противоядие к которому требует этого корня. Пока эта свора охотников за сокровищами будет изматывать нас, время уйдёт. А пропустим срок в один месяц — и папа Люй погибнет, да и Цэчжи тоже... Мне плевать, что станет с миром боевых искусств, но раз уж я в одной лодке с Люй Цэчжи, придётся вникать. Без Общества Парящего Дракона в Цзянху воцарится такой хаос, что и представить страшно.

Впрочем, размышлять мне не дали — клинки уже свистели у самого уха! Какая наглость! Почему они не соблюдают приличия и нападают без предупреждения? И почему у них такие проблемы с математикой? Разделились бы поровну: по пять человек на брата. Какого чёрта на меня одного кинулось семеро? Неужели я выгляжу как незащищенный книжный червь, которого легко обидеть? Глаза разуйте, я не просто случайный попутчик!

Я был в ярости. Уворачиваясь от так и норовящих снести мне голову тесаков, я мысленно проклинал всё на свете. Если бы не Цэчжи, который прикрывал меня, я бы уже давно превратился в решето — хотя и сейчас мой наряд больше напоминал лохмотья. И угораздило же меня спуститься с горы без единого клинка! В очередной раз подтверждаю: я — сказочный идиот.

В самый разгар кутерьмы я почувствовал, как Люй Цэчжи что-то вложил мне в руку. Глянул — а это короткий кинжал из белого нефрита в изящных ножнах, от которого веяло могильным холодом. Времени на разглядывание не было. Выхватив оружие, я бросился на этих головорезов, забыв о всяком благородстве.

— Я прикрою, — холодный голос Цэчжи прозвучал прямо над ухом, и мой боевой дух взлетел до небес.

Я рванулся в контратаку. Клинок вошёл в грудь одного из нападавших, я мгновенно вырвал его и полоснул другого по плечу, оставляя глубокую рану. Не смертельно, но достаточно, чтобы вывести их из строя. Пускай посидят в сторонке и не мешают.

Расправившись с одним, я заметил следующую жертву. Пользуясь тем, что Люй Цэчжи за моей спиной — словно несокрушимая скала, я бесстрашно бросился в самую гущу схватки. Он же обнажил свой таинственный золотой меч. Цэчжи стал моим хранителем, отсекая любую угрозу с тыла и попутно упокаивая тех, кто подворачивался под руку.

Мы действовали на удивление слаженно, будто репетировали этот танец смерти сотни раз. Наша общая мощь была сокрушительной! Те бедолаги, что решили выбрать меня в качестве «слабого звена», быстро осознали, что наткнулись на стальной монолит. Те, кто ещё мог стоять, в ужасе искали пути к отступлению, но было поздно. Мы стали для них наглядным примером того, что бывает, когда Шэ и Люй действуют как одно целое.

Силы врага таяли на глазах. На стороне братьев Ши битва тоже близилась к финалу: их противники, если и оставались в живых, то вряд ли могли считаться целыми. Большинство балансировало на грани смерти. В их глазах, затянутых пеленой боли, я видел отчаяние и запоздалое раскаяние.

Я невольно нахмурился. Да, их мотивы были грязными, а жадность — безмерной. Да, в Цзянху нет места женской жалости. Но всё же они были людьми. Глядя на дело рук своих, я ощутил колючую тоску. Убрав кинжал от горла последнего противника, я покачал головой и отступил.

Люй Цэчжи мельком глянул на меня, взмахом меча отбросил последнего смельчака,

пытавшегося напасть исподтишка, и ловко перерубил его оружие. Затем он грациозно убрал клинок и посмотрел на выживших ледяным взглядом.

— Вон, — негромко, но веско бросил он. Один короткий слог хлестнул по воздуху, словно плеть.

Через три секунды в чайной не осталось никого — ни ходячих, ни ползающих. Те, кто мог бежать, испарились быстрее, чем дым на ветру. Такой скорости спасения позавидовал бы любой мастер легкого шага!

Боги, если какой-нибудь клан обучит своих адептов так мастерски драпать, они точно станут величайшей силой в поднебесной!

— Пора, — Люй Цэчжи, не обращая внимания на залитый кровью пол, первым вышел наружу.

— Эй! А где наши кони? — Я выскочил следом, но на заснеженном пустыре остались лишь хаотичные следы. Лошадей и след простыл! Неужели Пятнистая лошадь, этот хитрый подлец, позволила бандам из Собрании Призрачного Клинка увести себя? Какой... какой позор!

Он же так настойчиво за мной таскался, шагу не давал ступить. А теперь что? Десяток оборванцев, большинство из которых едва на ногах держатся, увели его у меня из-под носа? Мне их поблагодарить или пойти и дорезать, чтобы не позорили мою репутацию коневладельца?

— Проклятье! — Тело сработало быстрее разума, и я бросился вдогонку по следам. Но Люй Цэчжи вовремя перехватил меня за локоть:

— Ты куда?

— Добивать! — зло бросил я, тщетно пытаюсь вырваться из его захвата. — Пусти! Уведут же коня, не догоним!

— Не преследуй разбитого врага. Тебе стоит выучить это правило, — Ши И снова одарил меня порцией своего фирменного презрения.

— И! Помолчи! — Тон Ши Юя по отношению ко мне снова стал каким-то неопределённым, заставляя меня теряться в догадках. С сегодняшнего утра, когда мы с Люй Цэчжи, вдоволь надышавшись морозным воздухом, вернулись в храм, я постоянно ловил на себе его странные, задумчивые взгляды. Жуть какая-то.

— Но Пятнистая лошадь... — Я решил проявить великодушие и не спорить с младшим Ши, решив объяснить Цэчжи причину своей спешки, но замер, поражённый его едва уловимой улыбкой.

— Они возвращаются, — прошептал он, указывая длинным пальцем вдаль.

И верно — из-за поворота, гордо задрав голову, шествовала Пятнистая лошадь, ведя за собой остальных. Глядя на его подозрительно раздувшееся брюхо, я в сто первый раз вздохнул, поражаясь способностям этого невозможного зверя.

Я был неправ! С чего я взял, что его нужно спасать? Посмотрите на него: в самый разгар заварушки этот коняга не забыл о своей природе конного вора, увёл за собой «коллег» и вернулся только тогда, когда вдоволь наелся и напился! А время-то как рассчитал, подлец... Я понятия не имел, как он сумел развязать поводья и куда они бегали пировать, но в голове крутилась только одна мысль:

Сдаюсь! Я окончательно и бесповоротно перед ним пасую!

Ну как, я сегодня был паинькой? Заслужил награду, а?

<http://bllate.org/book/17512/1657407>